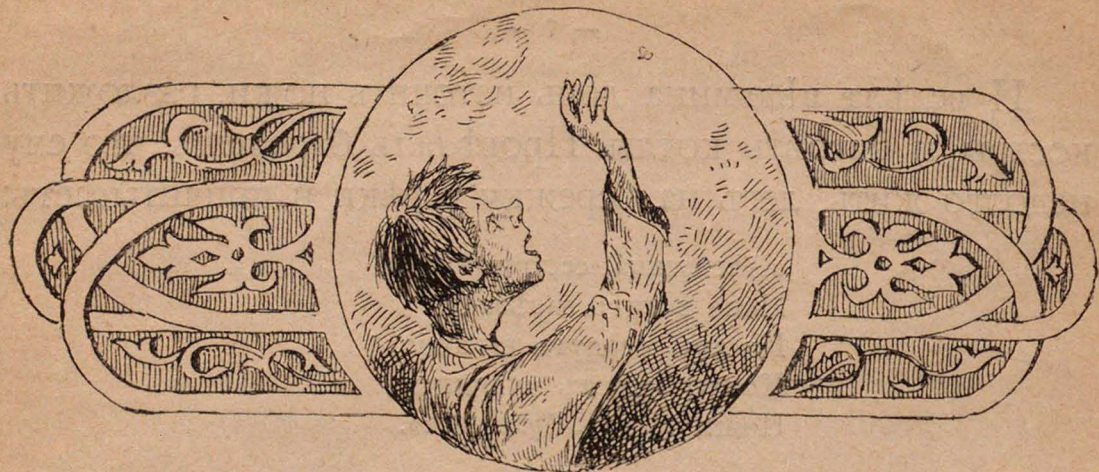

Аюня дурачокъ.

I.

Жили-были три брата: двое умныхъ, Кирила да Гаврила, а третій дурачокъ Аюня. Жили они дружно, и хотъ старшіе братья меньшого журили, а бить не били: вѣдь въ дуракѣ и Богъ не воленъ, ума къ кожѣ не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ; что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не по-людски, а по своему, по дурацкому разуму!

Вотъ сидитъ онъ разъ на завалинкѣ да мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ сынишку и говоритъ:

— Охъ, охонюшки, не видалъ ли ты, Аюнюшка, моего Васьки?

— Видѣль,—говорить дуракъ.

— Ахъ ты мой, такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣль?

— А какъ невѣстка его била,—говорить дуракъ,—тогда видѣль!

— Твоя невѣстка моего Васютку била! Да за что же это она на него, злодѣйка, взѣлась?

— А вотъ за что: говорить, по чужимъ огородамъ не ходи! Да каково больно била-то,—прибавилъ дуракъ,—даже жалко стало.

— А ты чего смотрѣль, не отнять? — приставала сосѣдка.

— Некогда было, невѣстка за веревкой въ клѣть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ахъ, батюшки свѣты!

Тутъ дуракъ испугался, что проговорился, и началъ бабу просить, чтобы она никому не сказывала, какъ невѣстка Ваську била, да на веревку посадила и отвязывать запретила.

— Аeonюшка, золотой мой паренекъ хочешь рѣдечки?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиковъ съ квасомъ?

— Не хочу.

— Хочешь колачика съ медкомъ?

— Хочу,—сказалъ дуракъ.

— Такъ сослужи мнѣ службу, отвяжи ты моего Васеньку да выведи ко мнѣ.

— Ладно,—сказалъ дуракъ и побѣжалъ въ хлѣвъ.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ возился, а вышелъ-таки на дворъ, вытянулъ за собой чернаго козла Ваську, да и говоритъ сосѣдкѣ:

— На, возьми, только невѣсткѣ не сказывай.

Разсердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцѣпилась Аѳонѣ въ волосы, да благо невѣстка вступилась. Оставила баба дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

II.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить; въ бочку слили да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться:

— Ахъ, кумушка - голубушка, какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво: не успѣли въ бочку слить, а оно ужъ бродить и играть стало!

«Дай-ка,—думаетъ Аѳонюшка,—погляжу я, какъ пиво играетъ,—въ свайку, въ лапту аль въ чехарду?»

Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать; нагнулся къ ней и слышитъ, что въ бочкѣ, какъ въ ульѣ, гудитъ.

— А-а! такъ вотъ оно какъ играетъ, — говоритъ Аѳоня, — знать, сердится, что его въ бочку заперли. Дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!

Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь; бочка покачнулася, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залѣпила глаза дураку; пока онъ ихъ теръ-протиралъ, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребницу. Что дѣлать дураку! Взялъ колъ и ну хлестать по пиву, приговаривая:

— Вишь, глупое, и на просторъ-то выпустить нельзя, полѣзай назадъ, доколѣ невѣстка не провѣдала!

Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аѳоня, забранилъ пиво, захлесталъ его еще пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжались братья, увидали бѣду, выгнали дурака изъ погреба; знать, пословица правду говоритъ: «Съ дураками пива не сваришь, а и сваришь, такъ не разопьешь».

Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка:

— Не хочу съ дуракомъ жить; пусть его въ люди идетъ уму-разуму учиться!

III.

Вотъ и отдали дурака въ работники, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирилой ударили за брата по рукамъ, выговорили ему харчей вволю, одежду—зипунъ, сапоги, шапку да красный кушакъ—да по три деньги въ день. Увезли дурака за тридевять верстъ; прожилъ тамъ дуракъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по Жучкѣ, по братьямъ да по сердитой невѣсткѣ, простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во-свояси. Вотъ идетъ онъ путемъ — дорогой; летитъ грачъ, кричитъ:

— Каръ-каръ, красны сапоги, красны сапоги.

Показалось Аѳонѣ, что грачъ кричитъ:

— Крадены сапоги, крадены сапоги.

Снялъ онъ сапоги, бросилъ ихъ и пошелъ дальше.

Летитъ синичка, кричитъ:

— Зинь, зинь, зинь!

Аѳонѣ показалось, что синичка кричитъ:

— Скинь, скинь, скинь!

Снялъ онъ кафтанъ и бросилъ его на дорогѣ, а самъ пошелъ необутый, неодѣтый; погода же стояла куда какая морозная.

Вотъ пришелъ домой; первая увидала его невѣстка.

— Здорово, братъ Аѳоня, что больно налегкѣ пришель? Гдѣ же одежда?

— На дорогѣ оставилъ.

— Что такъ?

— Да вотъ такъ и такъ,—тутъ дуракъ ей все разсказалъ.

Всплеснула баба руками.

— Эхъ, Аѳоня, Аѳоня, на головѣ-то у тебя густо, а въ головѣ пусто. Тебѣ съ твоимъ умомъ только пугаломъ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все-таки накормили, напоили и на печь спать уложили.

